

АЛЕКСАНДР КОКИН

*Завтра будет
завтра...*

*«Дайте мне силы изменить то,
что я могу изменить,
мужество принять то,
что изменить не в моей власти,
и мудрость отличить одно от другого»
К.Ф. Этингер*

Ростов-на-Дону, 2024

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К59

Кокин А.

К59 Завтра будет завтра... (стихи)/ Александр
Кокин – Ростов-на-Дону, 2024 – 184 стр.

ISBN

В седьмом сборнике стихов автор продолжит рассматривать тему места человека в природе и обществе, а также обращается к личности в мире отношений между людьми. Особое внимание уделяется отношениям между мужчиной и женщиной. «Завтра будет завтра...» — попытка понять время, в котором мы живём и какие надежды связываем с будущим.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© А.В. Кокин, 2024

© ООО «Мини Тайп», ИПФ «Тональ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

На взгляд автора, люди, не знакомые с поэзией, не могут любить ни женщину, ни свой дом, ни самих себя. В поэзии есть слова, их сочетания, которые превращают жизнь в её смысл.

Мы склонны жить сегодняшним днём, но иногда пытаемся всё отложить на завтра или, во всяком случае, надеяться на то, что завтра будет лучше настоящего. С ожиданием завтра мы связываем надежды во всех сферах своего бытия и, чаще всего, преувеличиваем возможности завтрашнего по сравнению с настоящим или вчерашним. Откладываем «на потом», что могли сделать или совершить сегодня. Но время нас либо боготворит, либо наказывает за неумение жить настоящим: удивляться, любить, творить, понимать и восхищаться...

Завтра будет завтра...

У Природы нет цели, но её эксперимент по наделению разумом человека, возможно, связан с необходимостью дать ему ещё способность любить не только её самою, но и самого себя. Если человек разумен, он способен чувствовать, любить и ненавидеть, страдать и сомневаться.

Планета,
похожая на рай,
а может, рай
и есть наша планета?
Другой такой
нигде планеты нету.
Так почему
живём мы не в раю?

Всё жаждем жить
за счёт других
и боремся,
чтобы владеть,
затем приходится
жалеть
себя, быть может,
и иных,

кто не успел,
не смог предвидеть,
борьбы за жизнь
себе подобных,
сковавших чувства
несвободных,
не научившись
ненавидеть,

а восхищался тем,
что жил,
просто любил,
страдал, и верил,
и в рай земной
давно поверил,
богатств
подобных не нажил.

Но мог открыто
Улыбаться,
и мог ценить всё то,
что есть,
с отвагой
защищая честь,
творить, и жить,
и ошибаться.

Нет доброты —
Зло правит миром,
А разум
обратился тиром,
в котором
соревнуются стрелки,
кровавым насыщаясь
пиром,
заколачивая гробы.

Когда рушатся
союзы,
надрываются
империи,
все окажутся
в преддверии
рвать намоленные
узы.

А потом
за войны браться,
так, что души
разрывает
от того,
что так бывает.
Почему?
Не разобраться...

ни в себе,
ни в тех, кто гонит
защищать,
что не ценили,
а что сами
очернили,
по тем колокол
трезвонит.

А мы смотрим войну
в электронном формате:
падают бомбы,
горят переправы,
сводки военных,
умирают солдаты.
А мы ощущаем,
что не виноваты...

что эта война
где-то там, а не дома.
И тысячи судеб
погибших, пропавших —
не наших,
а чьих-то не с нашего рода,
кричавших, стонавших,
но нас не понявших.

А также и тех,
кто всё смотрит с экрана
на месиво тел
под ударом снарядов,
советуя всем,
не слезая с дивана,
а должен быть близко
совсем или рядом...

И, вырвав себя
из привычного быта,
парень, отец
с сыновьями рванулись...
И вот уж атака
в окопе отбита.
Другие за ними
на фронт потянулись...

Вчерашние братья,
родные когда-то.
Что же нам надо
ещё пережить,
чтоб не искать
никогда виноватых,
а просто, быть может,
по-умному жить?

Народы войну
не начинают.
Войны народам
совсем не нужны.
А тем, кто истории
не понимает,
за собою не чувствуя
даже страны.

Мы умные книжки читаем,
хорошие фильмы мы смотрим.
Но умными быть не желаем,
и с совестью даже не спорим.

За благо возносим достаток
и мечемся в поисках доли.
Всем кажется малым остаток,
всем хочется всё, кроме соли,

пропитанной потом одежды,
потёртых мозолями рук,
но чаще мы просто невежды,
пилящие собственный сук,

который нам служит опорой
смеяться, рыдать и любить,
природой и домом, в котором
с любимыми хочется жить.

Но только проходим мы мимо,
поющей с надрывом жалейки.
Бросаем в стаканчик стыдливо,
играющему копейки.

И вместо того, чтобы слышать
и слушать мелодию жали,

в душе не могли мы расслышать
сочувствие и... убежали...
Над умными книгами думать,
о фильмах хороших поспорить.
Да! Но всё-таки лучше придумать,
как жизнь нашу проще устроить:

где было бы время на книги,
на фильмы и встречи в походе,
и чтоб не носили вериги
для усмирения плоти.

А чтобы всегда возвращались,
к любимым, нас ожидавших,
с которыми мы не прощались,
но ждали без вести пропавших.

Грешно над дураками измываться,
они ведь тронуты с рождения умами.
Нам надо бы над умными смеяться,
кто сделал нас такими дураками.
И только юмор есть на них управа,
поскольку им смеяться над собой,
как горькая к безделице приправа,
как анекдот со старой бородой.

Мы жили
только будущим:
оно нас щекотало
нервами
безжизненными,
но волнующими...
Зато нам хотелось
быть первыми.

А настоящим
мы и не жили,
его всегда
откладывали нам
и верить
всегда просили
не наступившим
временам.

Всё в прах уйдёт.
Исчезнут города,
и реки обмелеют,
и высохнут озёра, —
придут другие времена,
и золотом в цене окажется вода:
пустыня лишь

откроется пред взором.
Пока же мы
беспечны, как всегда,
и тщим надежду:
не про нас всё это,
хоть до Конца
Немыслимого Света
будет светить
Полярная звезда.

А Млечный Путь,
как призрак вечной боли,
скитаться
по созвездиям Его,
вдруг обратится к нам:
«... Живёте для чего?»
Нам нечего ответить
в этой роли.

Что как-то по-другому
надо жить на Свете,
и жизнь иную
больше не найдём
ни на одной
блуждающей планете,
пока в разумности
себя не обретём.

Играем каждый свою роль.
Сценарий пишется другими,
кому по жизни только соль,
мечтами кто не жил благими.
Кто просто будто бы не жил,
душа немыслимо слонялась.
Кто сердце людям обнажил,
над кем сама судьба смеялась.

А в прошлом будущего нет,
что в настоящем только знаем.
Всё мечемся — не понимаем
бегущих нам навстречу лет.

Всем крикнуть хочется: «Поймите!..
Всё проще, чем гадаем мы,
придя к заклЯтому, — увы!
Вы как последний день живите».

Время как мера события,
И что здесь подолгу гадать:
кто в меру возводит открытия,
кому же на время плевать.
Живут и жуют его, глядячи,

на деньги и жирный кусок.
Как памятно-присные вятчи,
стремились идти на восток.
Куда так манила окраина,
где пустошь и время — в песок,
откуда явилась Украина
русичам наискосок.
Сошлись, как никто не сходил,ся,
с рогатиной наперевес,
да так, что весь мир усомнился:
мирить ли подобных повес?
Конечно же, время рассудит,
расставит акцент по местам,
кого, может, вовсе не будет,
кого отнесут к дуракам.
С историей шутки не в тему,
как то, что отняв, поделить...
Позднее выстраивать стену,
стонать, от бессилия выть.
Но нас всё же время рассудит,
расставивши всё по местам.
Гордиев наш узел разрубит,
введёт нас в покинутый храм.
В молитвах о том всепрощении,
быть может, отпустится нам,
забыв все свои прегрешения,
придя к незакрытым Вратам...

Ужасно всё,
что кажется ужасным,
и день минувший,
прожитый напрасно.
А потому живите
каждый день —
он ваша тень...
И с ней расстаться —
значит умереть.
А потому
не надо день жалеть,
где, вовремя
расставшись
с кем-нибудь
и обнажив
надломленную суть,
необходимо,
может быть,
стерпеть
и грань
непонимания стереть...

Куда ты, разум, устремился,
чего тебе так не хватает?
Что ищешь ты, чего добились,
коли душа твоя страдает?

Разумный смысл не в том, возможно,
что всё ты можешь подчинить,
А в том, что, может, хоть и сложно,
себя бы всё-таки любить...

Себя и тех, кто окружает,
кто силится тебя понять,
Кто сердцем душу обжигает —
со смертью даже не отнять...

В портал другого измерения
спешим уйти, закрывши дверь.
Торопимся до исступления
не замечать своих потерь.

Какие сделали людьми
и от зверья нас отличали.
И как, страдая от любви,
мы не стонали, не кричали.

Что больно нам, что тяжелее
нести разумный крест, бывало.
Ведь от любви было теплее,
чем в сквозняках других порталов.

Себя мы чаще вдруг теряем,
в толпе теснящихся людей,
а потеряв, не понимаем,
а потеряв, не понимаем
цену проигранную дней.

И близнецы тягучих будней
не пережитых чувств в ином
не проклинают даже судей,
не проклинают даже судей,
запивших приговор вином.

Мы ищем встреч и не находим,
когда их хочется найти.
Но мимо чаще все проходим,
но мимо чаще все проходим,
когда не смеем подойти...

Смотреть на мир счастливыми глазами
может сумасшедший и меджнун.
Я не бросаюсь этими словами —
смотрю на мир во власти своих дум.
Что всех нас ждёт, пожалуй, точно знаем,
а вот как сложится судьба самого мира,
мы только лишь все смутно понимаем,
не создавая нового кумира...
Где будет больше мира и добра,
где посещала бы любовь с надеждой
на Матушке-Земле безгрешной,
без зависти, без корысти и зла.

*Образование может превратить дурака в
ученого, но оно никогда не изгладит
первородного отпечатка.
Э. Бошен, 1748–1824 гг.*

*Книга – это зеркало. И если в него
смотрится обезьяна, то из него не может
выглянуть лик апостола.
Георг Лихтенберг, 1742–1799 гг.*

Ко Дню Учителя!

(коллегам РАНХ и ГС)

Не знаю... Зачем в учителя подался?!
Горбатился бы я на Колыме.
Профессии своей бы не стеснялся,
Когда зарплату выдавали мне.
Хотя, конечно, не в зарплате дело:
Учить других кому-то нужно ведь,
Хотя, по правде, вроде надоело
И с кафедры наскучило мне петь...
Но как войду я в зал, увижу я глазёнки
Смотрящей на меня не детворы,
А зрелых лиц, учащихся в «казёнке»,
Захочется учить мне до поры.
Когда не станет надобность во власти,
Когда чиновников мы отдадим в архив,
Тогда действительно наступит, может,
счастье
Или хотя б другой императив...

Мужая женщина

(Введение в энтропию страсти)

Утомляет даже то, что тебя любят.
А. Моруа

«Я на тебя смотрю, любимый
Из невозвратной стороны...»¹,
Из бездорожья пилигрима,
Как будто из другой страны.
Как будто между нами вечность,
Как будто не наступит миг,
Перешагнувши бесконечность,
услышать безнадежный крик.
Люблю!
Но только эхом отзовется
пространством разделённый глас,
никто к друг другу не вернется
двоих измученных из нас.
Тогда зачем кричать мне в бездну,
тогда зачем ещё мне жить?

¹ Автор первых двух строчек Анатолий Сафронов
<https://www.chitalnya.ru/work/3175890/>

Но всё равно, когда исчезну
из бедны буду я любить.
И звать, и плакать, и страдать,
хоть слёз не выплакать, я знаю.
Но всё равно я понимаю,
что буду бесконечно ждать.

*Девочек в юности добиваются,
а с дамами в зрелости договариваются...*

Не причиняй, пожалуйста, мне боли,
Не провожай и не встречай меня.
Я не могу быть для тебя в той роли,
какая так удобна для тебя.

Быть не хочу любовницей твоею
и прятать чувства боли вопреки.
Тобой я всё равно переболею,
но я хочу себя ещё найти.

Мне будет одиноко и тревожно,
что так решила. Что ещё сказать?
Не причиняй мне боли, если можно
И если сможешь ты меня понять.

Чувство
метеором по сердцу чиркнуло,
сгорело в пламени его...
А ты в ответ
даже не вскрикнула,
не дотянулась
до него.
Твоя беда,
что ты любима,
моя —
превратности судьбы.
Моя — дорога
пилигрима,
твоя —
охапка пустоты...

Кто страсть возвёл в объятия поцелуя,
кто страсть объял возможностью любить,
чтоб до конца за всё это платить,
воздав Тому навеки аллилуйя?

Чужая!
Как расточительно живём...
Как тратим силы, ненавидя,
чтобы прощать, ошибки видя,
и сожалеть о них вдвоём.
А надо просто приглядеться,
в лице прочтя былую страсть.
... И наспех у дверей одеться,
и боль из памяти прогнать.

И говорил с тобою, чуть дыша:
«Как ты в постели хороша»...
А ты, нагая, улыбалась,
с такою страстью отдавалась,
что, растворившись весь в тебе,
был благодарен я судьбе,
что так она теперь сложилась.
Проснувшись, понял: ты приснилась...

Пришла...
С тобой мне хочется
всего лишь первой страсти.
Потом вином
желанье погасить.
В любви тебе
признаться лишь отчасти
и...
отпустить.

Какая дама родилась —
манеры чувственной изыски!
В мечтах, натянутые риски,
судьба мужчин оборвалась...
И где ещё такой красавец
к вашей руке ещё прильнёт,
словами за душу возьмёт,
на дамский приглашённый танец.
Вы поплывёте в никуда,
где нет ни писаных законов,
ни почитаемых канонов,
людского жалкого суда.

*Есть женщины правильные
и неправильные.
Есть женщины праведные
и неправедные.
А ещё... — все остальные...*

Есть женщины правильные.
Их видно сразу:
ни макияжа,
стрижки под каре.
Не подбирающие
вводным словом фразы
в словесной перепалке
и игре.

Они просты,
Как истина в сосуде,
и понимаемые только лишь
для тех,
кто прост и сам,
кто ни о ком не судит,
не поднимая
никого на смех.

Простая женщина,
Простая, словно правда,
но как мила
в изящной простоте.
И ей чужда
изысканность, бравада,
заученные жесты
в пустоте,

бесед,
не искренних признаний,
порывов,
не идущих от души...
Но и уйдёт
без ваших оправданий,
огонь в себе
желаний потушив.

Не обольщайте
простоты терпение.
Порой огнём легко её зажечь.
Но пламя не горит
без вдохновения
в ваших душах
незажжённых свеч.

Тебе писать стихи мне надоело.
Тебе ведь всё равно о чём пишу.
Хотя, быть может, ты меня хотела,
Но я в постель твою не поспешу.

В тебе ни жар, ни холод, ни обман,
в тебе и не постыдное упрямство.
Тебе хоть пошлость в такт или роман,
в тебе не похоть даже, не коварство.

Ты в замш себя одела, как игрушку,
а в замши той так быстро и легко
вдруг превратилась в милую старушку,
давным-давно, которой всё равно.

Стихи старушкам посвящают,
когда та бабушка иль мать...
Тебе, прости, я извиняюсь,
не хочется, поверь, мне лгать.

Давно все чувства притупились
к тебе, образчик лицемерства.
К любви, пожалуй, слишком черства,
чтоб для тебя стихи сложились.

В Прощёное воскресенье

Прощенья просят все, но я не виноват
ни в чём: ни в деле и не всуе.
Я до сих пор во сне тебя рисую,
как рисовал так много лет назад.

Но если ты мечтаешь о прощении
в святое это воскресенье?..
Кричит в ответ знакомый твой пиит:
«Прошаю я тебя, и Бог простит!».

Так Вы ещё
всё помните?
Как странно...
А столько времени
прошло...
И что на Вас
так вдруг нашло,
что вспомнили меня
спонтанно?

А у меня
меж днями суеты
всё стёрлось в памяти
и кануло уж в Лету.
И я давно
пришёл уже к ответу,
не интересны мне,
поймите, Вы.

Настойчивость,
с которой Вы желали
узнать мой возраст
в волосе седин.
...Тогда в ответ
зажёт я Вам камин
пылающий в тех сумерках
огнями.

Тем самым Вам
я дал тогда понять,
что в пламени сердец
не важны даты.
В огне сгорят,
они не виноваты,
что важное могли
у нас отнять...

А Вы
в разницах наших лет
свою жалели молодость нелепо.
И, не дождавшись моего
ответа,
мне бросили отрывистое: «Нет!»

С тех пор от времени
себя не отделяю.
Им дорожу я
вопреки судеб.
Для Вас по-прежнему
я, кажется, нелеп,
Но ваш порыв, увы,
не разделяю...

У камина

Зажги мне свечи у камина —
теплом согреемся вдвоём,
не сожалей ни о чём,
не вспоминая ни о ком.
Пусть ночь покажется не длинной.
Ты мне расскажешь, как жила,
чему не радовалась, может.
Хотя не стали мы дороже,
но ночь осенняя поможет,
чтоб нас опять судьба свела.

Мои дороги — длинный путь,
а годы плыли словно вечность.
И эту в жизни бесконечность,
не то беспечность и конечность
хотел бы я перешагнуть...

Зажги мне свечи у камина,
теплом согреемся вдвоём,
не сожалей ни о чём,
под этим трепетным огнём.
Пусть ночь покажется не длинной...

Мне кажется, ты в этот день родилась...
Или опять во сне моём явилась?
Такая важная. И волосы в зачёс.
А я тебе во сне цветы принёс...
Смущённо руки до тебя тянулись.
Ну вот и, кажется, с тобой уже
проснулись...
Но это сон! Всего лишь только сон!
Чтоб не во сне, а в явь и в унисон
могли сердца, заждавшись, так стучать...
А как проснулись бы... не захотелось спать.

И что?
Вы пишете стихи?
И надо же!?
А мне казалось,
поэты вымерли уже...
Хотя... намеренно
я читал стихи.
Сперва мне показалось —
нешлохи.
Да смысла в них
не усмотрел,
в зерне строфы
не отделил плевел...
К любви
воззаввшие поэты
когда-то были
нарасхват.
А нынче что?
Затёртые сюжеты,
в которых не поймёшь,
где рай, где ад.
Где чувственность
оделась в секс,
любовь признали
за рефлекс.

А песни?
В них музыки на грош,
а ритм и стиль
на всех похож.
Поэзия ушла
в песок,
и в этом именно
тот рок,
который нас
сопровождает,
а что нас дальше
ожидает,
я не берусь сказать
сейчас.
Быть может, то
и не про нас...
Но хочется
стихи всем ляпать,
в них посмеяться,
или плакать...
И что?
Как видите,
и я про это!
Слова безумного
поэта
с водой попрячутся в песок.

А я уж дам
себе зарок:
не буду вам
порою льстить,
чтобы невольно
обольстить.

Мечты как кресты на погосте:
С кем хотел, не ходили те в гости.
А другие... а что там другие?
Красавицы недорогие.
И на круги своя, как забытье,
в той влюблённости мы как рабы те,
на себя надевают вериги
вне зависимости от религий.
Укрощение сдавленной плоти.
А охотник опять на охоте...
Для него хоть мечты на погосте,
хоть незванным заглядывать в гости...

Ты знаешь, я неплохо сохранился:
и руки есть, и ноги ещё ходят.
Намедни я на даче порезвился,
куда друзья на чарочку заходят.
И хочется ещё попетушиться,
Окинуть взглядом женщину опять,
И снова по-мальчишечьи влюбиться,
и причесать увянувшую статью.
В годах своих, хотя я не копаюсь,
не называюсь даже дураком.
Но всё-таки ещё остерегаюсь
тех женщин, что оставил на потом...
А посему пою, как только лишь синица
на древе песню тоже запоёт.
Она, конечно, знаю, не жар-птица,
зато мелодией уж точно не соврёт.

Скажите мне, за что такая милость,
что вспомнили и что мне позвонили!?
Что после расставания случилось
и как вы без меня так долго жили?

Во времени нет прошлого. А суть
покажется нам тем, что априори
мы об руку пройти не сможем путь
ни в радости, любви большой, ни в горе.

А Вы неплохо сохранились,
и ямочки ещё у губ,
а в белизне знакомых рук
всё также родинки теснились.

Но только что-то лишь в лице
у Вас давно насторожилось,
и поселилась в нём унылость,
как шрам о бывшем подлеце,
что вверх Вас в пропасть перемен,
какие Вам мечтой казались,
но с нею Вы потом расстались
в чересполосице измен.

Любили также подлецов,
какие Вам судьбу вещали
и рай вселенский обещали,
не хуже жертвенных жрецов.
Но жизнь не щедрость тех купцов,
какие деньги предлагали
и тройку в сани запрягали
шальных орловских жеребцов.

Бессонница

Короче дни. Длиннее ночи.
И что душа моя так хочет,
когда не сплю уже давно,
хоть мне иного не дано...
Мне дни бы сделать подлиннее
и в той желанной лотерее
всё проиграть до наготы,
чтоб ночью постучалась ты...
Не закрываю на ночь двери
во сне брожу как в галерее,
в которой прошлое как сон,
а сон натуженный как стон.
Боюсь под вечер засыпать,
боюсь твой стук ко мне проспать.
На данность не дают рецепта,
а что дано — того концепта
не пересилить мне уже
на настоящем рубеже...

Вы говорите мне:
«В кино?»
Оно —
в сюжет
вплетённые
искусственные кадры.
А здесь сирень
в моё окно мансарды
так источает
запахи весны,
что милые,
божественные сны
в сознании от истин
отдыхают.
Бросайте всё!
Садитесь в дилижанс,
ко мне, примчавшись, —
я открою двери.
Хотя,
мне кажется,
я в сны уже
не верю,
но, если отзовётесь,

всё же будет шанс
в мансарде нам
под запахи сирени
проверить то,
во что могли бы верить.

Я прошу:
от холода не ёжься,
в плед под вечер
снова завернись...
Обо мне, прошу я,
не тревожься,
хоть во сне
когда-нибудь вернись...

Возможно, номер телефона
мой забыла?
Но всё-таки под сердцем
что-то ныло:
что позвонишь,
но только не случилось,
забылось для тебя,
забылось.

Теперь куда
не знаю уже деться,
на что ещё мне в жизни
опереться?
Болят душа,
как ранена птица.
Заснуть хочу,
но только вот не спится...

С.Х.

С Днём рождения, тебя!
Люби себя.
Люби сильнее и строже,
люби того,
какой тебе дороже...
И жизнь люби,
как любишь и смеёшься.
Испей вина
сегодня, как проснёшься...
Сегодня можно,
хоть и в карантине,
но без меня
не пей пока мартини.

Ты спишь...

Конечно, уже спишь.
А я опять как будто сам не свой:
мечусь между Вселенной и тобой.
А просто надо бы к тебе всё же лететь.
Да только бы успеть...

Рассказать тебе о смысле бытия.
Оно не в том, что где-то ты и я.
А в том, что надо быть вдвоём
и жить не так, как мы с тобой живём.

Последняя любовь

Я запахом твоим живу:
Блуждает он от комнаты до двери.
Но хочется опять ещё поверить,
напишем мы ещё одну главу
романа, не законченного нами
в истошность високосных пандемий,
с надеждой выхода из этих анемий,
чем, слава Богу, не подверглись сами.
Я улетаю. Надо бы вернуться,
но мы уже, поверь, не в той поре,
когда могли, вернувшись к детворе,
смогли до юности хотя бы дотянуться.

Не обманывай себя —
ты сердце лишь
послушай.
Закрой глаза,
отбрось обиды прочь,
и никого ты исподволь
не слушай,
шагнув ко мне
хотя бы только в ночь.

Остыло ложе —
ночь тобой не грела.
Глазами я,
упёршись в потолок,
молил ещё,
чтоб сердцем захотела...
Но умер день,
простуженный у ног.

Моя милая проснулась.
Пахнет мёдом и теплом.
Но в объятья окунулась
и опять забылась сном.

Так и нежились в покое,
позабыв про все дела.
Во Вселенной только двое:
Я и милая жена.

И летали по созвездьям,
по туманностям одни.
Звёзды пели свои песни,
согревало Солнце дни.

Ты получил меня
как сдачу,
как сдачу ту,
от продавца.
Но я, поверь,
даже не плачу,
что получила
подлеца...
Ты отлучил меня,
я знаю,
но что мне делать,
подскажи?..
Я до сих пор
не понимаю
моих влечений
виражи.
От скромных, умных
Убежала,
а к деловым
я не хочу.
Зато тебя я обожала
и за свою любовь
плачу.
Возьми меня
хоть понарошку,

а надоем —
гони меня.
Но всё равно
в твоё окошко
я заползу,
хоть и нельзя...

Прошу тебя:
не вспоминай меня,
а то тебе
я снова буду сниться,
как целовал тогда
твои ресницы,
твои ресницы на закате дня.
А ты,
прижавшая ко мне лицо,
в своём смеялась
искреннем восторге.

Боюсь, потом
подкатится ком в горле,
когда поймёшь,
что был я подлецом.

Милый!
Живи. Дыши. Переживай и верь.
От этого никто не умирал.
Живи без малых и больших потерь
и с тем, кто так любил и понимал.
Кто разделял желания и боли,
переживал слетающую грусть.
Желаю оптимизма в твоей доле,
всё остальное исчезает пусть.

Г.К.

Вернулся.
Не задавай вопрос, откуда?
Я сам бы не ответил на него.
Какая разница, из дела или блуда, —
в себя вернулся прежде я всего.
Твои слова
и стикеры-наклейки,
когда, пожалуй, нечего сказать,
те нужные, не нужные «жалейки»
могла всегда душевно подобрать.

Спасибо!
Что помнишь, может, даже любишь...
Зачем нам это от себя скрывать?
Что возвращается с любовью,
не разрубишь,
что искренне, не надо отнимать...

Ах время, время! Как бы не споткнуться,
на скорости безумных перемен.
Мы не успели даже оглянуться,
что можем дать теперь ему взамен?

Пожалуй, ничего. Пусть будет всё,
как будет,

но только без предательств и измен
не вырваться всем из проклятых буден
в условиях проклятых перемен.

Так хочется насытиться любовью
в какой-нибудь неведомой глуши,
не поперхаясь собственной кровью
распластанной загубленной души.

А жить! Нам просто жить и верить,
чтоб не сползти в эпоху перемен,
найдя самим в том лабиринте двери,
какой мы сами возвели из стен.

P.S.

Если же опять в молчании моём
ты не найдёшь волнительной причины,
тогда во сне окажемся вдвоём
под свет дрожащей огоньком лучины.

Поскольку здесь ни свеч, ни фонарей,
в зимовье свет от печки пляшет нервно
да пёс усталый дремлет у дверей,
единственный, оставшийся и верный.

Милые,
славные женщины!
Сколько в вас ласки,
терпения!
Любовью и бытом
Повенчанные,
вам посвящают
стихотворения.

Любите!
Ведь это так просто.
О том же напомнить,
и близким.
Под праздник,
под искренность
тоста
влюбляться по-русски
английски...

Без нас проживёте
вы точно.
Но как же прожить
нам без вас?!
И всё же любите
бессрочно,
как в первый,
в последний бы раз.

Исповедь женщины...

А он такие
письма мне писал,
стихи читал
не выпренье и просто.
Слова не говорил,
а выдыхал,
меня стеснялся,
словно бы подросток.

А я,
как раненая птица,
металась в поисках
себя...
Была похожа
на синицу,
а он похож на соловья.
Но я в его словах
другого
воспринимала,
не его.
Желать хотела я
иного.
Не обрела же
никого.

Г.К.

Спасибо за послания,
за душу нараспашку.
Спасибо за старания
судьбу одеть в рубашку:
хоть в белую, хоть в серую —
какая попадётся...
И напиши ещё ты мне,
когда ещё придётся.
Так разбежалось времечко —
не удержать его.
Стучит большее в темечко —
узды нет на него...

С.Х.

Тоскливо здесь:
снега и льды,
полоска гор
в безумно синем небе.
А у тебя
над зеленью воды
срывает чайка
пенный белый гребень.
Как далеко и близко...
... Изнутри
вдох вырвется
в тяжелом сонном бреде,
где ты опять
над зеленью воды
мне видишься
в домашнем тёплом плече.

Ты всё-таки права,
когда сказала:
жизнь — трава.
Зелёная весной,
а к лету зацветёт.
К концу его,
засохнув,
пожелтеет...
Под снегом, замерзая,
пропадёт,
если согреться
только не сумеет.

Зачем тебя я пригласил?..
Ты кофе попила.
Прощались.
Во мне блуждало
столько сил,
но мы расстались.
Надменностью своей,
что ты моложе,
поставила опять себя
в тупик.
Я не поник.
Я не был на тебя
похожим
и не сорвался,
обвиняя, в крик.
Я тихо уходил.
Ты встрепенулась,
как будто поняла,
что проиграла.
Потом ты долго
на плече рыдала,
когда под утро
у меня проснулась.

Что пожелать тебе?
Ты понимаешь,
слова, которые скажу,
ты всё равно
не принимаешь...
Живи и радуйся
тому,
кто жизнь твою
не отравляет
и каждый раз,
тебя прощая,
не оставляет
никому.

Оттанцевала жизнь в похмелье —
настали зрелые года.
Каких любила ты в постели,
не возвращались никогда.
А те, кто жаждал быть с тобою,
ты на коротком поводке
держала белою рукою
поодаль, где-то в стороне.
Теперь бы вроде изменить
тебе всё это захотелось
и вновь восторженно любить,
но и любовь уже приелась.
Скользя, уходят в жизни дни,
в постели страсти пропадают —
тебе уже не до любви,
в тебе и чувства увядают...

Не любила соловья —
песни пела ворону.
Вот такая была вся
и ушла на сторону.
Соловьиный век короткий —
долго вороны живут.
Для тебя был слишком кроткий,
но... вороны не поют...

Энтропия² любви

Энтропия
любви
растворяется
в страсти.
В энтропии
любви
нет законов
и власти.
В энтропии
любви
исчезают
желания.
В энтропии
любви
нет надежд
на страдание,
на восторги,
и плач,
и на крик
всепрощения,
когда в руки
палач
взял топор
для отщипывания...

² Беспорядок, хаос

И не плакать —
 страдать,
 не метаться,
 не спорить.

Не отдать
 и не брать,
 не воздав,
 не позорить.

В энтропии
 любви
 открывается
 бездна.

В энтропии
 любви
 не совсем
 интересно.

В энтропии
 любви
 ничего
 не расплавит.

Энтропией
 любви
 безразличие
 правит.

В энтропии
 любви
 нет и точки
 опоры.

В энтропии
 любви
 лабиринт
 коридоров.

Смог войти,
 но не выйти
 на помощь
 позвать...

Энтропия, изыди!
 Не с тобою
 летать...

А в прошлом будущего нет.
Живи, пожалуй, только настоящим!
А там когда-нибудь сама ответ
найдёшь не плачущей и не просящей.

Себя мы чаще все теряем
в толпе теснящихся людей,
а потеряв, не понимаем,
а потеряв, не понимаем
цену проигранную дней.

И близнецы тягучих будней
не пережитых чувств в ином
не проклинают даже судей,
не проклинают даже судей,
запивших приговор вином.

Мы ищем встреч и не находим,
когда их хочется найти.
Но мимо чаще всё проходим,
но мимо чаще всё проходим,
когда не смеем подойти...

А ты мне кажешься хорошей, словно
в сказке.

С тобою страсть взмывает в небеса.
Но в той, отравленной тобою, нежной ласке
мне слышатся другие голоса...

Какие невесторженно шептали,
А, растворив тебя в шальном вине,
напившись страсти, утром покидали,
оставив вновь тебя наедине.

Зачем тебе немислимые страсти,
отравленная жизнь небытия?
Зачем тебе счастливой быть отчасти,
зачем, скажи, сегодня нужен я?

В окне твой силуэт застынет,
и будешь ты смотреть мне долго вслед.
Но почему-то сердце моё стынет,
и я машу рукой тебе в ответ.

Чужая женщина — колодец ли, коварство,
бездонная прохлада ли, пожар?
Чужая женщина — болезнь или лекарство,
проклятие, божественный ли дар?

Чужая женщина. Чужая на распутье
страстей немислимых, желаний и утех.
Чужая женщина на новом перепутье
в одиночестве оставила не всех...

Кому бы посвятить стихи, чтоб та,
не делано стихам бы поразилась,
а в тех претензиях шута бы к ней
в желании любить не усомнилась.

Во сне лишь мудрость ощущаем,
во сне лишь правду говорим.
Во сне обычно всех прощаем,
проснувшись, не благодарим.

Ода женщине в День рождения

И если есть ещё на свете
такая женщина, как ты,
наверно, нет на всей планете,
которой не несли б цветы.

Охапками к ногам бросали,
на шею вешали венки,
а за тебя мужи стонали
и обнажали бы клинки.

Живи же, радуйся удаче,
что есть еще такой народ,
какой, не хныкая, не плачет
и не глядит начальству в рот.

А мы гурьбой столы раздвинем
и выпьем все и всё до дна.
И все по розочке подкинем
тебе..., которая одна...

Пройдут былые времена —
иные новые наступят...
И ты останешься одна,
и страсть былую не пригубят.

Хочется,
чтоб кот был у камина,
чтоб пёс лежал
калачиком у ног,
чтоб музыка волной
непостижимой
вitalа красотой
интимных ног.
Хочется,
чтобы плеча коснулась
теплом любимая рука.
Так хочется,
чтобы со мной проснулась
приехавшая издалека...

Нам некогда жить:
задохнулись от быстрого бега.
Нам бы выдохнуть
да немного хотя бы присесть.
Но ни жара, ни дожди,
ни холодное крошево снега:
всё мимо нас,
что минуло, прошло
или есть.

Суета...

А давно охладевшие страсти,
не возбуждая,
томятся в рутине и быте.
Утонули в заботах,
вине или прочей напасти...
Всё равно никого
вы об этом, прошу,
не вините.

Только на ночь закройте глаза,
чтобы не было больно,
что вот так неожиданно всё
и вдруг получилось.
Ведь во времени всем
отпущено, знаете, столько,
чтоб хватило на то,
что ещё никому
и не снилось.

Златокудрые женщины,
тонут в красивых улыбках,
а мужчины не чопорно им
глазами ответят.
Светлячки по ночам
заиграют музыку
на скрипках,

и желанные женщины
криком на страсти ответят.

И закружится всё,
всё как будто бы в вальсе.
И нам времени меньше
захочется тратить
на то,
что всю свою жизнь
продержали в запасе,
потому к нам ходили не те
и не кстати.

Не умея —
не умнеем,
а, познав
хоть что-нибудь,
потихонечку
глупеем,
не проникнув глубже
в суть.

Всё нам кажется,
что знаем,
но окажется
не то.

Но, как только
 понимаем,
 нас не хочет
 знать никто.

Так и вертимся
 на круге,
 ищем то,
 что не потеряли.

Сомневаясь
 в верном друге,
 чуть себя
 не потеряли.

Судим тех,
 кто не подсуден,
 выдаём за правду
 ложь.

Обвиняем тех
 подспудно,
 кто на нас
 порой похож.

Лицемеры
 лицемерят,
 правдолюбам
 невтерпёж.

Всех изнанкою
 померят,

кто на правду
 не похож.

Круги, круги
 круги, круги
 по воде
 от шалунов.

Рядом давние
 подруги,
 но... и с ними
 мир не нов.

Что приходит,
 то проходит.
 Кто минует,
 не придёт.

Кто чего-то
 не находит,
 никогда
 не обретёт.

Не бывает,
 что бывает,
 а бывает –
 не про нас.

Мимо нас
 всё проплывает

каждый день
и каждый час.
А живём,
как расстаемся,
а расставшись,
ищем встреч.
Над собою
посмеёмся,
тяжесть сбросим
свою с плеч.
Не до жиру:
быть бы живу.
Всё оставим
на потом.
Тянем лямки
рвём мы жилы —
«остаётся...
суп с котом»...
Но бывает,
приплывает
долгожданная
удача,
но и та
куда-то спрячет
то, что долго
не бывает.

Так и крутимся
на круге.
Вот и прожили
мы год.
Нам бы думать
друг о друге...
Оказался год не тот...

Блаженство от мира в себе,
чего ещё можно желать?
Блаженство от мира тебе —
себя понимать...

Когда нам плохо и невыносимо,
когда нам кажется, что пропасть впереди,
спасает женщина спокойно, терпеливо,
проблемы оставляя позади:
что не конец, что всё вернётся к жизни,
а с новизной тревожных, было, мук,
исчезнут страхи, просветлеют мысли
в тепле двоих соприкоснувших рук.

И если Бог не смог,
как сможет жалкий человек,
любовью мир измерить?
Как может он
в себя поверить,
когда не доверяет Бог?
Но женщина,
к Нему не вопрошая,
мир возлюбить смогла порою так,
что, даже никого не искушая,
Вселенную подняла на руках...

Он женщине писал стихи,
её любили же другие
за страсть её и за грехи,
за шалости ещё иные...
И, не познав коварной страсти,
он всё томился, ожидал,
того немислимого счастья,
какое в рифмы одевал...

«Вы, женщины,
вы — красота,
вы — чудо...»

Женщины!
Вас выдумал Бог
или Дьявол — не знаю.
У вас всё:
от любви до измен.
И в этой сумятице перемен
о вас лишь весной
вспоминают.
Храните, что движет собою.
Любите,
хотя уж не модно
в господстве
иных развлечений,
любя
в стороне отречений,
где Дьявол гуляет
свободно.

Хандра

И не кофе, и не чаю.
И тебя даже не чаю.
Закружила канитель:
вот закончился апрель.
Что там будет уже в мае?
Тоже я не понимаю.
Такова вот карусель:
в океане сел на мель,
в океане вялых буден
день тягуч и беспробуден.
Но не хочется и спать,
а тем более летать...
мне с тобою или с кем-то,
вместе или переменнo...
В мыслях день перебираю
и... опять я засыпаю.
Всё ж увидеться пора.
Плесенью жуёт хандра...
Полежу я до заката
Может, мне поможет завтра?
День мой расправит плечи,
от хандры моей излечит...

Самое страшное —
это признаться себе,
что в жизни ты
никогда не любил.
Не был мил,
не колотилось
и сердце в тебе.
Когда вдруг,
Неожиданно,
ты повстречал
ту, которую, зная,
не знал...
Ту, которую
не замечал
и до тех пор
не заметил никто.
Или ты, от которой
вдруг стало тепло,
о которой позднее
страдал без ума,
от которой лишался
порою ты сна,
от которой
терялся всегда ты

при встрече,
от которой, страдая,
тебе было легче...
И пускай
расходились по жизни
дороги,
и пускай
не сложилось ли что,
не сошлось.
Главное в жизни
однажды пришлось,
что полюбил лишь одну
из немногих...

А я ещё опять мечтать хочу,
а я ещё во сне с тобой летаю...
И я ещё с тобою захочу
догнать вдаль улетающую стаю.
Под нами вереницею озёр
откроется бескрайний мир природы.
А к вечеру с тобой зажжём костер,
вдыхая обретённый дым свободы
от каменных ландшафтов городских,
от обязательств необязанного братства,
и от забот не мудрых и мирских,
от постоянства обещать непостоянство.

Если снова ты о счастье пишешь,
значит, одиночество в душе.
значит, ты уже на ладан дышишь
на достигнутом тобою рубеже.

Когда такие женщины на свете
творят и всем примеры подают,
что так и хочется сказать, что на планете
наступит мир блаженства и уют...

Всем будет так спокойно и светло
в любви и музыке, и жизни, и искусстве.
Но всё равно привычнее: нам зло
в предательстве вернётся и распутстве.

Ну вот.
Ещё вы год
себе прибавили...
Наверно, вас
уже поздравили?
И я вас поздравляю.
Собой
остаться пожелаю —
другой вам просто
не идёт.

Манера ваша
так держаться:
неискренне
при встрече улыбаться
и на звонки
не отвечать.
И хоть похожи
на занудство
и не прикрытое
распутство,
к вам липнут все —
и стар и млад.
И я прилипнуть
был бы рад.
Но всё ж от вас
останусь в стороне,
поскольку знаю:
не по мне.

Мы любим женщину, какая
порой не нам принадлежит...
В ней нам покажется Даная,
какая рядом возлежит.

Но страсть проходит. Её тело
не целомудрием зовёт,
а тем, что та давно хотела,
что к ней хоть кто-нибудь придёт...

Любовь?

Чтобы войти хоть раз в друг друга,
потом внезапно разойтись?
Слетать с неистового круга,
по новой целине пройтись?
Стезя обычного разврата...
Любовь — придуманная ложь.
Любовь — за чувственность расплата
от простаков и до вельмож.

К ней от полёта до восторга
всего один неверный шаг
или бежать не слишком долго,
чтобы догнать желанный шанс,

но за которым пустота
откроется уже привычно.
И ты забудешь просто, как
бежал за ней, как все, обычно...

Ко мне порою приходила
та женщина, какую ждал.
И что во мне та находила,
тогда совсем не понимал.
И лишь однажды мимоходом
спросил о том, так кто же ты?
Она перед своим уходом
сказала: «Та... От пустоты
ходящая к тебе служанка,
какую ждал ты всякий раз.
Ведь для тебя я прихожанка,
какую ты однажды спас
от одиночества и боли,
необходимости страдать.
Хоть прихожанка поневоле,
себя не буду убивать».
Ушла, не закрывая двери,
а я не то хотел узнать...
Мы не планируем потери,
но можем их приобретать...

Ты как моё воспоминание
из бездны промелькнувших чувств
и как твоё напоминание
пережитых наших безумств.

Какая зрелая наивность
в любви признаться по ночам...
А нам ходить бы по врачам,
но вспоминаем про невинность...
Тянусь в то время, что прошло,
цветы во двор тебе бросаю.
Твою печаль я понимаю,
поскольку что-то не ушло.

Ты понимаешь:
живу как будто не живу,
как будто там, за облаками
и за высокими хребтами,
где мечется душа моя,
я вновь летаю...

И подо мною облака,
и надо мною облака,
А тень от них
скользит куда-то,
где нет меня, где нет тебя
ни у рассвета и заката,

ни в бесконечном дне,
ни в ночи.

Чего же мается душа,
чего ещё она так хочет?
Ты понимаешь:
нет тебя...

И мне на землю не спуститься,
взлетев однажды в небеса,
чтобы, вернувшись, раствориться,
чтобы, вернувшись, раствориться
в иных, не ждавших голосах.

Мы признаёмся, что мы любим,
слова со страстью говорим.
Потом, бывает, отгорим
И неожиданно разлюбим.

Любовь не может продолжаться
в тягучем сумраке времён.
И каждый будет обречён
к прошедшему не возвращаться.

Любовь как миг, взорвавший чувства
страстями раненой души.
Среди обманчивой тиши
взорвётся искренним безумством.

А в новизне своих желаний
ведь всё равно любви хотим.
Но всякий раз без оправданий
уходим от неё к другим.

Как странно, что не вместе были,
хотя желали быть вдвоём.
И может, странно мы любили,
теперь же странно мы живём.
Теперь ни встреч и ни приветов
ни мимоходом, просто так.
Ни пожеланий, ни обетов —
никто не делал первый шаг.
А времена лишь разделяют
и чувства убивают в нас,
как будто долго проверяют
без встреч и обронённых фраз.
Наедине же мы другие,
Наедине минувших дат.
И как влюблённые, нагие
стояли у закрытых врат.
А нам друг к другу постучаться
хотя бы только один раз.
Ведь так не может продолжаться,
чтоб кто-то всё решил за нас.

Ты помнишь, милый, что в кафе идём?
Я помню, милая, ну как не помнить!
Слюной уже давно я изошёл.
Все ателье вчера уже прошёл,
но вот зачем, теперь уже не вспомнить...
И бабочку к воротничку приляпал,
и пуговки давно уже пришил.
Вчера перловку целый день я стряпал
и целый вечер даже не грешил...

Ты помнишь всё ещё меня?
Милая! Ну что-то есть ещё в мозгах,
припоминаю.
Ведь столько времени
прошло.
И что же на тебя
нашло,
что должен помнить
всех я женщин?
Есть та,
которая мне пишет,
какая далеко,
но слышит!
А ты?

Ты памятью живёшь
и врёшь,
что вновь о ком-то
вспоминаешь...
Поскольку знаю:
для себя живёшь,
хотя сама
не понимаешь...

О,
Да надо же!
Что вспомнил обо мне!
Хоть для тебя
совсем чужая...
Но, как всегда,
пришёл во сне,
пришёл во сне,
не приезжая.

Букет цветов,
что толку в этом!?
Вам море их
должны дарить.

Я не был точно бы
поэтом,
чтобы о вас
не говорить!
Не петь и не слагать
романсы,
не говорить вам
о любви.
Мои на то
ничтожны шансы
бороться с вашим
визави.
Но я пишу
вам эти строки
как крик
больной уже души.
Любви законы
столь жестоки,
насколько вы
так хороши...

Привет! Внезапно выключили свет..
Сижу на фазенде,
фазенде сырой,
Вскормлённый неволей,
орёл пожилой.
Ни света, ни хлеба
Ни лука, муки,
Хоть, может, к соседке,
что рядом, зайти?
А толку?
И там хоть шаром покати:
пожалуй, селёдки
и то не найти.
На свечке спадает
последний нагар.
С вчерашнего супа
глотая отвар.
Собака и кошки
завидуют очень:
им тоже ведь хочется
жрать, между прочим.
Лизали тарелку
за милую душу,
а я на закуску
пропавшую грушу
доел.

Кстати,
живот не бродил...
И я за фазенду
ещё не ходил.
Там ветер,
А значит,
опять потерплю...
Как тёмную ноченьку
Всё же люблю!
Но, правда,
чего-то опять не хватает.
Глаза набухают,
и кошки зевают...,
и, кажется, сплю...

А.Д.

Как мчится время, нам не оглянуться,
притормозиться, чтобы вдруг понять,
что мы могли бы как-то вострепнуться
по тому, что не могли менять
тепло сердец, души очарования
на жизненную нашу суету.
В моих словах, как искренность
признания,
тост хочу поднять за доброту,
за жизнь твою, за благи здоровья,
за тех, кто рядом и всегда с тобой,

за мать твою, дремавшей в изголовье,
и за отца, который рядом твой.

Спрячь подальше все невзгоды.
Ну какие твои годы?
Была девочкой в натуре
ты в изысканной фигуре.
Стала женщиной уже.
Что из этого в душе?
Ничего не изменилось!..
Жизнь по-прежнему катилась:
где ухабины, где гладь —
всё равно ведь благодать!
Главное, что ты в натуре
и во внешности, фигуре
как была, такая есть!
И пойми, это не лесть.
Так живи и радуйся,
ни на что не жалуйся!

Под Старый Новый год
Милая снова
варит вареники:
еники-беники,
беники-еники.

С картошкой,
капустой,
варит вареники:
еники-беники,
беники-еники.
Хреновину разную
прячет в вареники.
Грошик ли, перец,
пустышку какую,
в общем..., «диговину»
прячет любую.
Ела ль сама
(уже точно не знаю)?
Была добра
или, может быть, злая,
что сотворила,
не понимая.
Достались ли мне
сюрпризы в варениках?
Съел, чёрт возьми,
её еники-беники,
но вылезли сами
наутро вареники...

Истоки болтливости

В Эдеме, райском саде,
когда могли друг друга лицезреть,
в своём естественном наряде Ева
Адаму предложила яблок съесть.
Тем самым первой говорила Ева.
Адам молчал как в рот воды набрал.
Но всё же, посмотрев на Еву,
Адам запретный плод сорвал...
Потом вкушали оба...
Ева возмутилась,
что молча тот всё яблоко доел:
«Ты хоть бы, друг,
сподобился ответить,
хорош ли фрукт, который долго ел?»
Все с древа яблоки
Адам сорвал
и молча пичкал Еву до тех пор,
пока та не сподобилась заметить,
что он в Эдеме самый первый вор.

«Ты первой предложила мне!» –
Адам ответил. — «Конечно, сладок фрукт,
не скрою»...
И Ева,
недвусмысленно заметив,
всё рассказала своему герою:
как тот не ласков был,
не целовал;
до боли не щипал в экстазе;
и как словами тот не баловал,
а лишь стонал он в апогейной фазе.
В конце концов
не выдержал Адам
и выдавил крамольную он фразу:
«Когда тебя я молча лицезрел,
уже хотел желать тебя я сразу.
А потому ненужными слова
казались мне, поверь, в Эдеме,
поскольку были мы с тобой
в одной желанной теме»...
Махнула Ева на Адама
и в отражении водицы
не целомудренно сказала:
«Ты пень бесчувственный, Адам.
Слова для женщины — бальзам,
какие так возносят чувства
не ради райского искусства,

а ради ангельского счастья
вкушать и мысли, и тела.
Такие вот, Адам, дела».
Шепчите женщинам слова
и плюйте на свои дела.
Болтайте с ними день и ночь:
слова ласкают женщин лучше,
чем ваши руки и тела.
Такие вот, скажу, дела...

Для женщин не бывает тайн:
любую новость, превратив в конфетку,
расскажут всем в контакте и онлайн,
хоть смейся или плачь в жилетку...

Живут они как будто в автостопе,
остановив кого-нибудь: всегда
любая новость как водица в попе
у них не держится, пожалуй, никогда.

На языке, в кишечнике бунтует,
и анусу совсем уж нестерпёж...
Но новость женщина уже с другой
смакует,
хоть вопреки в ней смысла не поймёшь.
И не подвешенный язык, но так болтает!

И никому нельзя остановить,
что женщина ещё сказать желает
и что могла в конце договорить...

Женщины всегда болтливы
потому что мужики
так занудно молчаливы;
что у женщин языки
как коровье ботало
без конца работало.
Позвонит одна другой —
Языки зачешутся.
Окунутся с головой,
новостями тешатся.

Женщина даже знает то,
чего не знает...
Понимает то,
что нельзя понять.
Верит в то,
во что невозможно верить,
но...
невозможно отнять.

Кто истиной блажен, не умирает:
Та истина другими прорастёт.
А кто об истине лишь только вспоминает,
то никогда её не обретёт.

Напрасно что-то ожидаем...

*Мы, русские,
хотим найти самость, но она не в вине,
а в вине тех, кто просто нас
не понимает...,
потому что мы русские...*

Мы, русские,
всегда в себе
найти готовы
самости.
А потому
в своей судьбе
копаемся от самой
давности.

Кто мы?
Среди бескрайних весей
от европейцев
и до азиат,

какие скажут
без ухмылок,
спеси,
что мы не их
ни сват или не брат?

И мы готовы
душу нараспашку
открыть всем им
в наивной
простоте.
Что мы готовы,
сняв свою рубашку,
распять себя
перед ними на кресте.

Они же от
подобного порыва
копьем пронзят
за искреннюю
блажь.
А мы опять
от самости надрыва
искать готовы
собственный мираж ...

О мы,
славянская наивность,
готовая хоть с чёртом
подружить.
Но эту
преподобную взаимность
никто не хочет
искренне любить.

Ни вольность,
жизнь с похмелья от вина,
ни дружбы крепь
готовой на распятие.
Поймите вы,
не наша в том вина,
а ваша самость
с самого зачатия

смотреть на мир в прищур,
с подобострастием,
что, кроме вас,
никто-либо другой
не может притязать
на самовластие
как вы на мир,
не кто-нибудь иной.

России мир,
как данность ойкумены,
не нужен, чтобы
всем повелевать.
Важнее ей
совсем другие темы
и в них иметь
иную благодать.

Животворящий мир
разумности и воли
на райской и единственной
Земле,
где жизнь подвигла
наш единый разум
существовать и жить
в бездонной этой мгле

вселенского
надменного пророчества,
где, Кто не весть,
когда ещё сказал.
Обрѣк, быть может,
нас на одиночество,
в котором лишь
единственных избрал.

И самасть всех
в неистовой отваге
должна нести
разумность вопреки
в миры,
не обозначенные в саге
вселенской недописанной
строки.

Как только даст Россия слабинку
так сразу на неё полезут.
Итог, казалось, знать уже полезно:
не трогать никогда эту страну,

в которой точно долго запрягают,
но вдруг, сорвавшись словно бы в опор,
по головам наточенный топор
неистово, со страстью загуляет.
В который раз пошады вновь запросят
и русские простят. Так было уж не раз!
В конце концов, враги, оставьте нас.
... Они ж опять на нас глазами косят.

Ко власти дурь приходит неожиданно,
и с ней бодаться будут до тех пор,
пока та дурь не превратится в Двор
И править станет точно уж пожизненно.

Не выдавили все мы
из себя рабов:
готовы исполнять
любую прихоть
решал от полированных столов,
чинов, берущих взятки тихо.

В глазах которых
истина служак
лишь отправляющая
собственные нужды,
какая не стыкуется никак
с табелем о РАНХах
и госслужбы.

На заре возможных перемен
не просить, не жаждать
исцеления –

просто нам
найти уже взамен
тех, кого
возлюбят поколения.

Ну вот
и снова Новый год,
и первый день с похмельем дружен...
Конечно, новый год всем нужен,
но не смотреть же ему в рот.
Хотя...
Неверно утверждаем,
что время новое придёт.
Напрасно что-то ожидаем,
а проживём как Бог пошлёт.
Короче...
каждому своё!
И что нам на кофейной гуще
гадать и плакаться вперёд,
поскольку верить нам присуще
и жить всем задом наперёд.

На Новый год я кактус нарядил.
И хоть колноч, но всё же нежен.
О прошлом вспоминаю реже,
И даже за него не пил.

А Новый, хотя бы и колючим слыл,
но чтобы жалил осторожно.
и может, даже, если можно,
чтобы не влюбчивых влюбил

во всё, во что могли влюбляться,
чем только жизнь полна искусства,
но без печали и распутства,
и в то, над чем нельзя смеяться...

Сыну

Ты путешественник по жизни,
куда ещё вдруг занесёт?
Куда направишь свои мысли,
когда романтика пройдёт?
Где якорь бросишь? Непременно
когда-то надо всё бросать...
Но не бросай своей Вселенной
с которой можешь ты летать.

Внукам

Неважно,
будете летать
или ходить
по матушке-земле...
Я пожелаю
быть людьми везде,
свою мечту
когда-нибудь
догнать!
А с ней легко
под парусами плыть,
с ней тяжелее
в жизни не бывает!
Вам дед добра
по жизни пожелает
и жизнь,
какая сложится,
любить!

Посвящение библиотеке

Ценю я тишь библиотек,
притихший говор в светлом зале,
где мы с восторгом узнавали
о существующих и тех,
кто жил наукой и искусством,
кто мерил время тишиной,
кто истины питал в запой
и презирал судеб распутство.
И время так воспринимал,
что, открывая в жизни двери,
в себя, в судьбу свою поверил
и никогда себе не лгал:
что мог бы жить, не узнавая,
чем полон мир, судьба Земли,
воспринимал всё без любви,
чужой беде не со страдая.

Вчера ходил я на рыбалку,
С собою взял на случай скалку.
Не клевало, чёрт возьми!
А было много лишь возни.
Ни на опарыша, ни на червя –
Короче, просидел я зря.
И вдруг поклёвка. Ни хрена!
Удилку тащит уж до дна.
Я так себе и так!
Так неужели я, дурак,
Не вытащу свою рыбёшку?!
Ещё усилия немножко
И... уже я вижу сазана!
Ну больше, может, кабана.
Я скалку взял, хотел шарахнуть,
Что тот не смог бы даже ахнуть.
Но лодка вдруг качнулась сбоку...
И надо ж быть такому року:
Я вижу, что перевернулся
И...
неожиданно проснулся...
«Не скалку брать было. Подхват!
И всё тогда было — виват!» —
сказал проснувшийся мой кот
и замурлыкал. Вот так-то вот...

Исповедь

Посвящается великим русским поэтам

Великие поэты рано
повсюду умирают странно:
кто сам уйдёт, кого уйдут,
кого по странности убьют.
В расцвете сил, в расцвете лет
уходит в мир иной поэт.
И там, из высоты небес,
в сердцах благих или повес
он открывает им сердца,
чтоб не сойти за подлеца,
а мерить мир своей любовью,
чужой не умываясь кровью...
В себе летать и удивляться,
и плакать, и страдать, смеяться.
Иль просто жить, как все живут,
не ожидая, что умрут
в расцвете сил, в расцвете лет,
как ты, читатель, и поэт.

Если кто в науку окунётся,
тот явно с миром не знаком...
Но если вдруг до Истины дорвётся,
дотянется к ней и босиком.

Не хочется перечислять, что было,
что, так хотелось, только не сбылось.
И причитать о том теперь уныло,
что удалось, а что не удалось.

Я пока ещё жив, господа!
Вы пока обо мне не тревожьтесь...
Есть у каждого в жизни река,
на иную реку непохожесть.
Моя жизнь, как безумство реки,
разбивала меня о пороги,
выплывал я судьбе вопреки,
видно, так помогли мне боги.
На излучине всех перемен
никогда я не знал, что же будет.
Было много предательств, измен —
Разум мой всё равно их забудет.
Лишь останется в памяти миг,
за которым откроется бездна.

Только вы не услышите крик,
ведь оттуда кричать бесполезно.
Но пока ещё жив, господа...!

Мы все когда-нибудь уходим,
и тем ценнее бытие,
чем в том, прожитом нитие,
теряя, что-нибудь находим.

Кто, власть жалеючи её,
цепляться будет за карнизы.
Высокомерные нарциссы
хвататься будут за неё.

Мне уходить не жаль.
Всё, кажется, сложилось.
Ко мне сошла такая милость,
что в самости обрёл Грааль.
Ту внутреннюю ценность бытия,
Какой когда-то Юнгом представлялась,
в которой, осознав себя как «Я»,
та самость постепенно зарождалась,
как часть неотделимая природы
от сущности раскрывшегося мира,
где в сумасшествии зловонного сортира
кичатся сумасшествием свободы.

Свободен оказался лишь в себе,
осмыслив сущность внутреннего эго.
Всё остальное отразилось эхом,
прижав меня к общественной стене.

Но все когда-нибудь уходят —
сойдутся в точке времена:
какие смысл в себе находят,
какие не найдут у дна.

Кто я?
Мелькнувший в этой жизни,
сгорев, как метеор, среди людей.
В толпе не знавших
непреложных истин,
а сам тонул среди идей.
Кто я?
Мечтавший и страдавший,
Приобретая, я терял друзей.
Над пропастью
судьбы своей стоявший,
я в бездну не сорвался с ней.
Кто я?
Не алчущий ни денег, ни добра,
наград среди других
в толпе просящих,

не мог я делать никому и зла
ни в прошлом и не в настоящем.
А просто стал дорогою идущей
навстречу ветру,
не склоняясь ниц.
Я не нашёл себе дороги лучшей
среди снующих властных колесниц,
а по моей в ухабинах и шрамах
за мною шли лишь те,
кто мог идти,
другим дорогу открывая к храмам,
судьбе свой, пожалуй, вопреки.
Кто я?
Не знаю, что обо мне все скажут,
как отзовутся о моём пути.
Но, не лукавя,
пусть другим расскажут,
как надобно себя бы обрести.

У Бога друга не прошу —
я сам найду, а он поможет.
И буду счастлив я, быть может,
что и ему я подхожу.
Не будем в мелочи бросаться,
не будем что-нибудь просить.
Когда же надобно простить,
Не будем мы того бояться.

По жизни друг с тобой не устаёт,
как ты от жизни не устанешь, может.
Но старый друг всегда тебе поможет,
на помощь к заболевшему придёт.

И здесь откуда наберутся силы!
Обниметесь, посмотрите в глаза,
друг другу ничего не рассказав.
Болезни ваши будут выносимы.

*День 7 Ноября —
красный день календаря...*

Да, я товарищ,
а не господин.
Так называюсь
не один.
И в этот день
я в очередь не встану,
чтобы хвалиться,
что я жил тогда.
Но никогда
я точно не устану
всем говорить
вернуться навсегда

в те времена,
когда были теплее
и взгляды, лица,
хоть жилось не так.
Хочу я жить
немного поумнее,
но до сих пор
не знаю точно, как.

Когда почётные награды нам вручают,
Значит, пора, наверно, уходить.
Поскольку завтра могут попросить
даже и тех, в ком так души не чают.

Как странно, что я жив ещё:
вокруг одни неряшливые люди.
Среди тягучих и похожих буден
молиться бы, да только не крещён.

И каждый день как полумрак,
а ночь — пристанище бездомных
среди пугающих бетонных
домов облезлых и собак.

А день, начавшись, умерщвляет
любой посыл творить и жить.
И обрывается та нить,
какая мир соединяет.

Стал замечать,
что реже стали встречи
в кругу друзей,
в кругу родных и близких:
то ли время нас уже
калечит,
то ли стало больше нас,
капризных;
что каждый думает
лишь только
о своём,
и только о надуманных
проблемах,
забывая часто
обо всём
и в том числе
утраченных дилеммах.

Хочу успеть за тех,
кто не успел:
не мог ли,
не собрался с духом;
хочу успеть за тех,
кто улетел
на Север
за полярным кругом.
Хочу успеть
я жизнью надышаться,
какая там – не здесь,
да что там говорить:
хочу успеть
судьбу благодарить,
с какой не мог
доселе распрощаться...

Замучили
изгоевские сны:
то лабиринта
не могу покинуть,
то выйти не могу я
из толпы
и во спасение своё
позвать и крикнуть.
И в том,
охваченном меня, небытие,
в поту я,
просыпаясь в страхе,
в прострации тонул
как в забытьё,
как будто умирал
на плахе.
Теперь частенько
я боюсь заснуть.
За что такое вышло
наказание?
Или кому-то
перешёл я путь,
или кому-то
я принёс страдание?
А может, просто
надо отдыхать,

от мук душевных,
раздиравших суть?
Но я тогда ведь
не смогу летать,
ради того,
чтоб вовремя заснуть,
и ничего не видеть,
и страдать,
и не бороться
с собственной тенью,
а просто спать,
чтобы себя проспять,
или как все
бежать по безвременью.

Совсем не тот ученый муж,
каким собою представляет.
Он меж проблем, как ушлый уж,
скользя меж ними, проползает...

А, мудрецам плати, хоть не плати, —
они в науку всё равно полезут:
какой свихнётся в ней на полпути,
какие в дебри новые залезут.

Вот так и маются учёные на свете
за миг, который посетит их ум,
всю жизнь, скитаясь по планете,
живут во власти своих дум.

А жизнь уже
как коромысло.
Еда горчит,
вино прокисло.
Восторженность
ушла в песок.
Звонки любимых
не тревожат...
И дни текут
наискосок
и грусть-тоску
на сердце множат.

«На площадке парка завершился квиз!» —
так в новостях мелькнул анонс витрины.
И я чуть было уж совсем не скис,
поняв, что завершилась викторина...

И сколько ж нужно чужеземных слов,
чтоб подменить нам русскую словесность?
И сколько нужно наломать нам дров,
чтоб заглянуть в рекламную промежность...

Наконец живу!
Ура!
У меня
настоящая конура.
Нары.
Спальный мешок.
В изголовье
куртка
советских времён.
Гвоздём
прикреплённый к стене
стишок.
Ни времени на нём,
ни имён:

«Блуждающий по жизни
или где?
Зайди сюда,
я подскажу тебе.
Богатства не найдёшь,
зато
нежданно обретёшь
всё то,
что никогда бы
не обрёл никто:
душевность
растворенности в природе
и смысл
в неограниченной
свободе!»
...А ещё стол,
втиснутый
в бревенчатый
пол.
Вместо стула —
пень.
Козырёк окна.
На полу — тень.
Железная печь.
Труба.
Вот такая у меня
конура!

У печи —
поленница дров.
У входа —
преданный пёс.
За окном —
дробь дятла,
как барабанный зов.
Ружьецо за плечи
и...
без всяких слов
по тропе вперёд!
К озеру или реке.
С рюкзаком
налегке.
Одиночество нужно
тем,
кто устал
от жизненных тем,
размеренности бытия.
Комфорт добывать
для того,
чтобы
не хватало
всего!

Мне больше ничего не нужно
и не внутри, и не наружно.
Мне хоть годок ещё бы полетать,
под вишнею свидание проспать.

Потом искать, которую проспал,
с какою даже иногда летал...
и, задыхаясь от стихотворений,
рыдал от ласковых её прикосновений...

Ко дню науки

Поздравляю
с одной из самых важных в жизни дат:
«Учение — свет, а неучённость — тьма!»
И хоть от мизерно начисленных зарплат
давно перебиваемся у дна,
будем учить читать, писать и жить,
ко всем чертям послав чинуш и власть,
будем любить профессию и чтить
великую образовательную страсть!

Мы горели и тонули,
замерзали в холода.
Ну попробуйте вы, люди,
жить как жили мы тогда!
Вам покажется убого,
только вам нас не понять
Порасспрашивайте Бога,
что у нас не мог отнять
ни свободы лицемерья
мира сущности природы,
набежавшего презренья
к жизни вне её свободы.
Делать то, что мы желали,

торопясь дойти до сути.
В чем-то, может, проиграли
или были на распутье.
Только дело ведь не в этом,
что мы думали о том,
просто гнались мы за светом,
всё оставив на потом:
вдоволь есть и сладко пить,
греться где-нибудь на юге.
Просто мы могли любить
только в избранном нам круге.
Где дымком пронизан запах
распустившихся берёз,
и в палатках, как в палатах,
мы могли любить всерьёз.
А сейчас, на пенсионе,
хлеб да водку иногда
в стариковском пансионе
пропускаем в два глотка.
Нам на третий не хватает,
Ну да это не беда.
Сердце по ночам хватает
аритмией иногда.
...Хоть потели и тонули,
мы судьбу свою не гнули.
Чем пред Богом виноваты,
на кресте своём распяты?

Вчера залил вино в бутылъ.
Пить будем? Иль?..
Не знаю, сладок или горек
напиток тот, но его море!
Не будем мы делиться им:
Не хватит даже нам двоим,
и будем пить и веселиться..
Ну надо ж, чёрт возьми,
присниться...

Ни чая, ни вина не пить!
Вот до чего дорос!
Иду к зубному:
выть или не выть —
вот в чём вопрос!

Я с Божьего стола
все крошки соберу —
не съем:
раздам не в божьем мире,
чтоб те опомнились
и вняли,
простую истину поняли,
что стоит то,
что стоит
и кормит всех,
а в жажду
всех напоит...

Уходит,
что волновало и к чему тянуло,
теперь
натянутой струной оборвалось.
Не навсегда,
а просто обмануло.
Могло бы сбыться,
...только не сбылось.

Смятение

Ночь глухая за забором.
Перекресток трёх дорог.
Там, за дальним косогором,
месяц в небесах продрог,
месяц в небесах продрог.

И, блуждая, ищет что-то,
что скрывают облака,
где стою у эшафота
и живой ещё пока,
и живой ещё пока.

Эшафот как будто выбор,
что носить мне на плечах:
то ли голову, ли сидор
то ли выбор палача,
то ли выбор палача...

Серп висит над облаками,
освещая ночи темь.
Я бы взял его руками
и догнал свою бы тень,
и догнал свою бы тень.

Открываю тихо двери
и хочу пойти туда,
где уже никто не верит
никому и никогда.
Никому и никогда.

Я на первую дорогу
Не ступлю, не поверну.
Мудрым быть лишь у порога,
чтоб не выбрать ни одну,
чтоб не выбрать ни одну.

Но другая меня манит
по дороге, где любовь.
Увлекая вновь обманет
и остудит мою кровь,
и остудит мою кровь.

А по третьей не пойду я:
я по ней не раз ходил.
А, случись, с ума сойду я:
там ничто не находил,
там ничто не находил.

Полечу за облаками
в предрассветной вышине,

месяц обниму руками —
он ответит тем же мне,
он ответит тем же мне.

Одиночество не греет —
одиночество томит,
но надежда всё же тлеет,
ни о чём не говорит,
ни о чём не говорит.

Только снова не пойму я:
и куда же мне идти?
Трёх дорог в ночи минуя,
мне четвёртой не найти,
мне четвёртой не найти.

Ночь глухая за забором.
Перекресток трёх дорог...
Не зовёт желанным створом,
не шагну я за порог,
не шагну я за порог.

Тенью бродит за забором
то ли я, то ли судьба.
Подружиться что ли с вором,
чтоб во мне украл меня,
чтоб во мне украл меня.

Обернусь я в бесконечность,
взмыв бесстрашно в небеса...
Одиночество — не вечность.
Подниму я паруса,
поднимаю паруса.

От жизни уставать нельзя,
Кроме неё ведь ничего нет боле.
Её с собою можно только взять,
а что нажил, того забрать не волен.

Только жизнь имеет цену,
остальное — суета.
Кто снимает в жизни пену,
жизнь окажется не та.

Пена как в стакане пиво:
пьёшь, не чувствуя его.
Остальное — от разлива
или мысли про него.

Жизнь
распоряжается сама,
кому ты нужен,
чем ты живёшь,
с какою мыслью
дружишь.
Но, как никто
я знаю,
почти себе я
точно представляю,
что жизнь к тебе
уже спиной...

Себя саваном накрою,
но не стану умирать:
посмотрю, чего я стою,
обо мне что будут врать.

Оказалось, все молчали,
словно нечего сказать,
словно в рот воды набрали —
не смогли даже солгать.

Был себе не интересен,
плыл по жизни, как хотел.
Жил без праздников и песен,
но, работая, потел.

Всё куда-то ускользало,
как меж пальцев песок.
Просыпался слишком рано,
будто жил наискосок...

И когда мне полюбились
и с восторгом я дышал,
оказалось: всё приснилось,
я за солнышком бежал...

И под саваном подумал:
может, больше не вставать,
чтоб никто не передумал
и не начал причитать?

О покойниках плохого,
знаю я, не говорят,
стало быть, ничто дурного
не свершил, а там — простят.

Мне прощения не надо:
жил как мог, как мог любил.
Не держался возле стада,
в вожаки не угодил.

Ладно уж, встаю, ребята,
рано мне под саван лезть.
А молчанье ваше свято,
чем продуманная лесть...

Не уходите и не расставайтесь!
Обиды, боль сожмите вы в кулак.
А как утихнет боль, то возвращайтесь,
ведь просто так и даже проще так...

Сложнее на себя обиду
замкнуть и жить, причины вороша,
невыносимо жить, показывая виду,
что не болит о брошенных душа.

Раздвоенность борьбы и утешений
сгибает волю, порождает страх.
А в омуте блуждающих смятений
сгорит любовь в немислимых кострах.
Опомнитесь! Отпущено так мало
всем нам на этом свете, не другом.
Отбросьте всё, что всех вас разделяло,
чтоб не жалеть, не плакаться потом.

И с лёгкостью мы, обнажая душу,
попросим всех вернуться и простить.
И все обиды, выплеснув наружу,
мы не могли бы ни о чём просить.

Не оставайтесь одни

(в день памяти жены)...

Не оставайтесь одни. Не торопитесь,
прошу вас, на небо
раньше детей, дорогих и любимых,
и близких.
Не оставайтесь одни, хоть звучит это
как-то нелепо:
не уходите по-русски, французски
или английски.

Хоть какая там разница, выйдя в
открытые двери,
и не вернуться туда, откуда вы
только что вышли.
По ушедшим пускай другие оплачут
потери,
но зато никогда на земле вы
не будете лишними.

Оставляйте родным, что вы в жизни,
быть может, нажили,
оставляйте любимым и тем, с кем так
долго дружили,
завещая добро, и любовь,

и большие надежды,
оставаясь любимым для них и желанным,
как и прежде.
Не оставайтесь одни!

1 апреля

День Дурака.
Его придумали,
Наверно, те,
кто был шутник
или привратник.
С своею праздной
простотой
был либо раб,
либо развратник.
Но так уже устроен
мир.
Кто правит,
тем ведь нужен Рим...
А нам
смеяться над собой
всегда разумнее,
чем плакать.

За языком плетётся мысль,
то тянется, то спотыкаясь...
На возраженья натываясь,
волной приборной гладит мыс.

О камни бьётся, пень взмывая,
и басом громко зазвучит.
Но камень, кажется, молчит,
Ни мысль, ни крик не замечая.
Он, безразлично умываясь,
волну отбрасывает прочь
и, погружая мысли в ночь,
на утро ждёт их, издеваясь:

«Ну, с чем ещё ко мне, болтунья,
прильнёшь игривым языком?
С тобой я в вечности знаком,
чтобы влюбиться до безумия...

Да слишком мелкие слова...
Их ярость волн не возвышают.
Слова порой не понимают,
как их рождает голова

у тех, кто льстит иль просто блеет,
чтобы вниманье заслужить.
Всем хочется словами жить,
коль остального не имеют».

Краски Севера тусклее
тех, какие на югах,
но покажутся теплее
тех, какие не в снегах.
Тех, что в розовом закате,
тех, в изысканном тепле.
Тех, какие в маскараде
душу раздирают мне.
И так хочется вернуться
в северный родной пейзаж
и в прохладу окунуться
в незатейливый мираж.
Насладиться небом синим
на границе ледников,
чем в изысканно павлиньих
красках дивных берегов
замечать пурпур и леность,
пастилу слащавых мук,
восхищённую надменность,
поражающую дух...

Не хочу быть пленником уюта.
Красива жизнь, но несвободно в ней.
Для счастья мне надёжнее минута
в пространстве неосёдланных коней.
Да-да! Не тех, каких седлают,
а выючат их пожитками всерьёз...
А сами впереди коней шагают,
от гнуса утираясь, как от слёз.
Но в том и дорога мне та минута,
Что, дав и лошадям передохнуть,
я смог и сам добраться до приюта,
не дав себя уютom обмануть.

Дороже мне вигвам в тайге
из лап пихты и лап еловых.
И я не знаю, чтобы где
было вкуснее, чем в столовых
на перекрёстках жизни нашей,
бросавших вызовы всем нам,
когда питались вкусной кашей
прабабушек и наших мам.
Полузабытые рецепты,
переписавшие в блокнот,
во сне гуляли по проспектам,
слагали музыку без нот.

Ко Дню геолога

Говорят, что трудно всем,
А геологам совсем
бытие — не житие.
В них бродяжный дух витает.
А на завтра — кто там знает,
где окажутся уже
с рюкзачком (не в Ле Бурже!).
Где-то там, под Магаданом
или под забытым Бамом, —
в общем, к чёрту на рога,
лишь бы шлёпала нога,
коль вторую хрень возьмёт,
всё равно вперёд пойдёт.
А найдёт коли рудишку,
олигарх ему в манишку
сам копеечку зашьёт
и ... в тайгу опять пошлёт.
Не завидуйте, друзья:
шерпы мы, а не князья,
но зато нам День в году
не забыли дать в аду...

С Днём геолога, друзья,
вас опять тревожу я,
чтобы всё было у нас:
шашлычок и водка, раз!
А на два, что говорить,
выпить всем и закусить.
Покалякать, кто о чём, —
кто на три через плечо
будет что-то возражать,
тем не будем мы мешать.
На четыре — запоём,
на три голоса... вдвоём...
А кто пятым будет петь,
будем у виска вертеть.
На шестое — помолчим...
На то много есть причин.
...Кто не вышел из маршрута,
помолчим ещё минуту...
На седьмое чай заварим,
что с дымком. И погутаим,
как ни хлеба, ни шиша ...
В хвойных лапах шалаша,
в многодневные маршруты,
доедали перло-крупы.
На восьмое — до заката
без балды и без разврата.

На девятого кивнём,
вновь за выпивкой пошлём.
Кто-то это прочитает,
завопит и застенает:
Мол, и пьянь геолог наш,
что вошёл в привычный раж...
Только он и был десятым,
и не клятым, и не мятым.
Проживал
как прожевал,
что в его корыте было,
и ни ухом и не рылом
ничего не понимал —
просто жрал и просто спал.
Так давайте восхищаться
тем, кем были мы, друзья...
Хоть на день в году встречаться,
коли что...напомню я.

**Ода электронному голосованию
в День Масленицы...**

Кажется, кем-то
в состоянии
прострации
была провозглашена
цифровизация...
Намедни,
при голосовании,
голос электронный
решил подать,
как свою статью...
Зашёл,
а сервис, присобаченный
к телеге 17 века,
не нашёл.
Завис
перегруженный сайт...
Получилось, как всегда,
на одну ночь
овернайт...
Позвонил.
Мне ответили други:
«Звони в госуслуги!»
Звоню.

Электронный ответ
швырял меня
от кнопки к кнопке,
какую нажать
и в чью попасть статью...
Бросил...
А совесть гложет.
Голосуй!
Именно голос твой
поможет
избрать того,
кто сможет
править страной...
Соседка моя старая
по-старому
пешком пошла
голосовать
и через 10 минут
уже вернула
свою статью...
...Я же долбал
компьютер,
а он орал:
«Вишу я, шчёрт побъеры!
В клуб иди,
как соседка твоя.

Уже, может,
блины пожарила,
а ты
хлопочешь всё,
по клавишам бьёшь.
Масленицу просрёшь»...
Но ожил сайт.
Вернул овернайт.
Здорово!
Кнопочками снова пошарил,
блины пожарил!
Отбой!
Здравствуй,
краса моя,
Масленица! Проказница!
Выполнил долг свой...
Зря всё-таки я
про протрацию...
Мало ли, как
всё получается.
Главное, жизнь
не кончается...

Ко дню народного единства

Чтобы не было тоски
и большого свинства,
нам придумали с народом
новый День Единства.

И не то против поляк
власти и мздоимства —
То ли против всех и вся,
то ли украинцев.

Нам какая канитель!?
Лишь бы не работать.
А с похмелья поутру
о работе ботать...

Хороша ли та, плоха,
нам какая разница?
Всё, куда ни повернись,
одним словом, задница.

Миновал нас коммунизм —
с рынком разминёмся.
И иной минуем изм,
если не споткнёмся.

Перед США, Евросоюзом
Стали было в позу,
и они в который раз
вставили занозу...

Кому стало хорошо,
те ушли в трансгендеры.
Кому стало очень плохо,
отослали в Бендеры.

Мы толпой единой в Рай,
как сказал нам Путин,
остальные — строим в ад,
как предрёк Распутин.

Нам в истории единства
нет, не занимать,
лишь бы не было мздоимства,
была крепка рать.

Ну а если сунутся
К нам в родные веси,
Навсегда забудутся
их былые спеси.

У мертвых не спросишь,
у живых не добьёшься,
и, что им важнее,
не знает никто.
До азбучных истин
не доберёшься,
а если получится,
снова не то.
А дьявол-то в нас,
не откуда-то сбоку,
мы сами мостим
дороженьку в ад.
Мы сами —
подобие чёрному року,
которому дьявол
даже не рад.
Любим, не любим,
и там как придётся,
сподобившись, как-то,
хоть чем-то живём.
А ночью за стенкою
кто-то смеётся —
нам же не любится
даже вдвоём...

И не поймёшь,
кто правду говорит,
кто ложь.
За правду ложь
мы часто принимаем,
но лжи порою
больше доверяем,
поскольку та
ласкает лучше уши
и гробит нас,
а вместе —
наши души.

Отцвела сиреневая хмель,
запах всё стоит и не расходится.
Птиц незамолкающая трель
по утрам в садах ещё разносится.
И такая сладость бытия
перехватит душу и сознание!
Райским садом кажется земля,
наполнена своим очарованием.
И как бы надобно беречь нам то,
что есть,

растворившись в жизненной
изящности.
На скамеечку в саду своём
присесть,
восторгаться чувственной
причастностью
ко всему тому, что окружает
в естество обёрнутая выть.
Даже если утро умирает,
нам захочется до вечера дожить.

Среди совсем уж
Узколобо-узких
пытаются расчеловечить
русских...

Скалу разрушить —
камень издробить.
Расчеловечить русских —
значит их убить.

Пытались это делать
очень часто.
В итоге оказалось
всё напрасно.

Из камня русский
возрождался снова.
Теперь пытаются
отнять и слово...

Но не получится
ни у кого опять.
В истоках было слово —
после рать,

несокрушимая,
жалеючи врагов,
не четверговала
этих дураков,

заканчивала
просто и по делу.
...Как узколобые
нам всё же надоели.

Планета наша,
похожая на рай,
а может, рай,
похожий на планету?
Другой такой
планеты нету...
Так почему
живём мы не в раю?
А словно бы в аду
терзаем всю планету...

Какой-то рок
преследует народ.
Словам давно
уже не место.
Порывы все
забрал «Тик-ток»,
и стала жизнь
не интересной.
Покажут всё,
помыслят за тебя.
Поздравят с датой
и пошлют всех в баню.
Никто не чешет
репу у себя,
коли получит стикер
экибаню...

Гололёд и коммунальщики

Хорошая погода. Не правда ли?
Особенно в краях, которые вдали...
А кто болтает о погоде,
не сумасшедший даже вроде,
а на тебе! Всё рассуждает,
хоть ничего не понимает:
не может быть плохой погоды,
то коммунальщики-уроды
не пiski на дорогу крошат,
ни соль мешками везде ложат,
ни пеплом темя посыпают.
А где-то в виллах «прозябают»
и причитают,
чтоб мы летали в раскоряку
и матерились для порядку...

Узнать поэта можно по стихам,
которые он пишет.
Узнать поэта можно по словам,
какими дышит.
Какие, изливая на бумагу,
в храм приведут уставшего бродягу.

Времена года

Январь

Месяц двери открывает
в Новый Год. Каким он будет?
Сколько оборвётся судеб,
сколько новых нарождает?

На Новый год повоем на Луну?
Пусть этот вой надеждой отзовется,
что нам ещё не раз придётся
обоим побывать в плену.

Обращение на Новый Год к Деду Морозу

Под Новый год подарки как отрада,
которых лучше не бывает, нет!
Ты знаешь, Дед, нам ничего не надо,
лишь огради ты нас от новых бед.
А в остальном мы сами всё устроим,
ты только подскажи, что делать нам?

Ну почему безжалостно устроен
так мир, в котором много драм,
предательства и всякой дряни,
обмана, ненависти, лжи.
Не запрягай коней ты в сани,
а по-отечески скажи.
Что сделать так, чтоб все поняли
простую истину для всех,
которой искренне внимали,
на перепутье странных вех.
Когда нам кажется всё есть,
а мир как будто бы безбожен...
И в головах пылает месть,
и сабли достаём из ножен.
Кромсаем все себе подобных,
и в пустоту мы вопием...
Ну почему так много злобных
и неужели нет дилемм,
чтобы любить себе подобных?
Дед Мороз:
«Я назову всем нам причину,
чтоб победить весь этот крах.
Чтобы убрать с себя личину,
«убрать разруху в головах³»...

³М. Булгаков, «Собачье сердце».

Февраль

То ли ветер
в окошко стучал,
то ли снег
ледяною стужей...
Мне так жаль,
что тебе я не нужен,
мне так жаль,
что тебе я не нужен,
но и я
по тебе не скучал...

У зимы есть одно,
что тревожит,
что бросает тебя
в пустоту,
что не ты у неё
лишь прохожий,
что не ты у неё
лишь прохожий,
замерзающий
на ветру.

Март

В моём окне, как на ладони,
Луна щербатая видна.
От холода собака воет.
Где задержалась ты весна?
Прошёл прохожий по дороге,
под шагом хрустнул хрупкий лёд.
Весна у марта на пороге
остановилась, не идёт.
И что-то вдруг со мною случилось:
и день тягуч, и ночь длинна...
По вечерам томит усталость.
Где задержалась ты, весна?
И месяц в той ледяной стуже
совсем уж кажется простыл.
И помнит клён в недавней стуже,
как ветер ветки его бил.

Сосульки хрусталём
сверкают над оконцем,
а капли хоть и стынут на лету,
но так уже
насыщены все солнцем,
что хочется
предчувствовать весну.

Апрель

Весна пришла.
Апрель не греет.
Не согревается душа.
Под сердцем в мыслях
что-то зреет,
не дозревая ни шиша.
На певчих косятся дрозды,
Под ночью забиваясь.
Весна ослабила бразды
и спит ещё, не просыпаясь.
Коты везде уже примолкли,
и не летают воробьи.
В народе ходят уже толки:
апрель оставит без любви.
Придётся чуни надевать,
не торопиться даже в гости.
На холод можно наплевать,
под одеяло бросив кости.
Под храп весна, глядишь, проснётся,
Но вновь наступит канитель...
Жизнь колесницей понесётся,
тогда и на хрен нам апрель!

Май

Здесь та же верба,
а в тумане
притихшая
заводь...
Ликующей песней
подругу зовет
соловей.
Тропинкою тайной
в траве одинокая
замять
ведет в тишину
ускользающих сказочных
фей.
Какой-то наследник
любви безответной
и первой
здесь травы замял
и томился один
под вербой.
О, кто ты?
Откликнись,
мой друг по несчастью
верный,
хочу хоть немного

судьбой поделиться
с тобой.
Я также бродил
по лесному весной
разнотравью,
я также вздыхал
у вербовых сережковых
лоз.
...Все куда-то ушло,
только сердцем я
славлю,
что сюда приносил
охапки ворованных
роз...
...И вот та же верба,
а в тумане притихшая
заводь...
Ликующей песней
подругу зовет
соловей.
Тропинкою тайной
в траве одинокая
замять
ведет в тишину
ускользающих сказочных
фей.

Июнь

Отсиренилось,
заакацилось...
Дух медвяный
такой стоит...
По тебе пищуха
расплакалась
и стихами запел
пиит.
Будь здорова,
«Крылатая Мельница»,
уж куда тебя занесёт,
не узнает никто и не верится,
кто тебя, наконец, обретёт.
Чтобы сытил тебя, и обыгил,
и лопатами деньги кидал,
никогда бы тебя не обидел
и на туфлях у ног засыпал...

Июль

Жара в июле расслабляет.
Желаний многих — недосуг.
И только безмятежный дух
под вечер в тишине витает.

С Луной, скользящею во тьме,
пройтись захочется в прохладе
с особой в лёгоньком наряде,
чуть прикоснувшейся к тебе....

Август

Ни суеты, и ни тревог, и ни желаний.
В листве усталость — сморщенная жаль.
Вернуться в лето бы без оправданий,
в деревенскую родную пастораль.
Но всё равно захочется исхода,
жары, и лености, и прочей суеты.
И на заре осеннего восхода
чего-нибудь спросить у тишины.

Пусть будет август для тебя как символ
Любви, и лености, и в меру суеты.
А мир вокруг, почти что выносимый,
добавил нежности тебе и теплоты.

Сентябрь

Осень
 незаметно
 украда
 лето.

Погода
 знобит.
 Душа
 болит.

О ком
 и о чем?
 Не знаю.

Смену
 времен
 помыкаю.

И...
 обнимаю
 мысленно
 я
 тебя.

А ты
 опять
 чего-то
 ждешь,
 не торопишься,
 не идешь.

Может,
 думаешь:
 «Подожди!»

Когда
 перестанут
 дожди...».

Что ж,
 я терпелив
 и наивен.

Но...
 морось
 на улице
 перешла
 в ливень...

Запотело
 окно.
 Оно
 также
 не хочет
 видеть
 бездну
 ночи...

Окно
 хочет
 свечой
 гореть
 и петь

под музыку
счастья
в ненастье
с тобой,
друг мой...
Поспеши,
пожалуйста,
разреши
проблему
двоих
и окна.
Не лишай,
пожалуйста,
сна...

Октябрь

Пичужка где-то встрепенётся,
как осень не дождливая вернётся...
И ты...
шуршаньем листьев подойдёшь,
ко мне прильнёшь...

Осень деревья раскрасила,
прохожих соплями расквасила.
Где же, осень, в тебе очарованность —
сопливая разочарованность?..

Осенью мечты не улетают.
Листьями, тянущимся к земле,
в удобренной землице прорастают,
оживая зеленью к весне.

А потом живут мечтою новой
и, в безумный одеваясь цвет,
осенью красивою обновой
обожгут пылающий рассвет.

Кто-то соберёт букет из листьев,
кто листок в страницу завернёт.
В ком из спотыкающихся мыслей
что-то сокровенное уйдёт.

Ноябрь

Без тебя прожитый день напрасен.
Он сер, и тускл, и холоден, как лед.
Он, как простуда, в ноябре опасен,
когда тебя вдруг недугом согнет.
В плед завернусь. Мне так теплее будет,
Чтобы, заснув, увидеться с тобой.
Во сне, быть может, нас зима рассудит,
но только я давно уже не твой.

Декабрь

Все проходит:
и весна,
и лето,
и любовь
простудится зимой...
Все пройдет:
и чувственность,
и эта,
нежность
в отношениях
с тобой.

Скоморохи

На уши весь мир
поставил скоморох⁴.
Неважно, он какой:
хороший или плох.
Но дело в том,
что место Скомороховых —
среди шутов Гороховых...
Чтоб веселил народ, вельмож,
зевак, гулявших на ристалищах,
но только не во власть был вхож,
снующим на своих пожарищах.

⁴В. Зеленский на Украине

Война идёт, а на подмостках шоу.
Разборки шоуменов меж собой,
как будто снова ходят «по-большому»
за потерявшей гонорар звездой.

А публике до этого нет дела...
Как прежде, переваренный гарнир
с аплодисментами восторженно доела,
снеся воспоминания в сортир.

Одни и те же на экране
мелькают словно мотыльки
на шоуменовской поляне
«мадонны» или «корольки».

Им мзду народ несёт в корыте
и рукоплещет, очумев.
Отдав им всё, что накопытил,
на что потратить не успев.

Коли гласа у певчих пропадают,
освоят те речитатив.
И даже уши опадают
под этот рваный негатив.

Но рукоплещет зал им стоя,
срывая даже голоса.
И от такого геморроя
охватит жуткая тоска

о том, как пели и страдали
на сценах прошлые певцы
и как овации снимали
искусству верные творцы.

Как каждому
хочется быть великим.
Танцору,
которому всё мешает...
Актёрам, певцам
или просто безликим
политикам,
кто ничего не решает:

судьбы народов
великих и малых,
кто продаёт
или всё покупает,
кто унижает
и левых, и правых,
бедных в богатых
не обращает.

Каждый
в историю хочет прорваться,
каждый
из кожи своей выползает.
Правда,
не каждому всем разобраться,
как и откуда
их мама рождает...

Оглавление

Предисловие	3
Завтра будет завтра...	4
Планета, похожая на рай...	5
Нет доброты – зло правит миром...	6
Когда рушатся союзы...	7
А мы смотрим войну...	8
Мы умные книжки читаем...	10
Грешно над дураками измываться...	11
Мы жили только будущим...	12
Всё в прах уйдёт....	12
Играем каждый свою роль...	14
А в прошлом будущего нет...	14
Время как мера события...	14
Ужасно всё...	16
Куда ты, разум, устремился...	17
Себя мы чаще вдруг теряем...	18
Смотреть на мир счастливыми глазами...	19
Ко Дню Учителя!..	21
Чужая женщина	22
«Я на тебя смотрю, любимый...»	22
Не причиняй, пожалуйста, мне боли...	23
Чувство метеором по сердцу чиркнуло...	24
Кто страсть возвёл в объятия поцелуя?..	24

Чужая! Как расточительно живём...	25
И говорил с тобою, чуть дыша...	25
Пришла. С тобой мне хочется...	26
Какая дама родилась...	26
Есть женщины правильные...	27
Тебе писать стихи мне надоело...	29
В Прощёное воскресенье...	30
Так Вы ещё всё помните...	31
У камина...	33
Мне кажется, ты в этот день родилась...	34
И что? Вы пишете стихи?..	35
Мечты как кресты на погосте...	37
Ты знаешь, я неплохо сохранился...	38
Скажите мне, за что такая милость...	39
А Вы неплохо сохранились....	40
Бессонница...	41
Вы говорите мне...	43
Я прошу...	43
Возможно, номер телефона мой забыла...	43
С Днём рождением, тебя...	44
Ты спишь...	45
Последняя любовь...	45
Не обманывай себя...	46
Моя милая проснулась...	47
Ты получил меня как сдачу...	48

Прошу тебя, не вспоминай меня...	49
Милый! Живи. Дыши. Переживай и верь...	50
Вернулся. Не задавай вопрос, откуда...	51
Милые, славные, женщины...	53
Исповедь женщины...	54
Спасибо за послания...	55
Тоскливо здесь: снега и льды...	56
Ты всё-таки права...	57
Зачем тебя я пригласил...	58
Что пожелать тебе...	59
Оттанцевала жизнь в похмелье...	60
Не любила соловья...	60
Энтропия любви...	61
А в прошлом будущего нет...	63
Себя мы чаще все теряем...	63
А ты мне кажешься хорошей...	64
Кому бы посвятить стихи, чтоб та...	65
Во сне лишь мудрость ощущаем...	65
Ода женщине в День рождения...	66
Пройдут былые времена...	66
Хочется, чтоб кот был у камина...	67
Нам некогда жить...	67
Суета	68
Не умея, не умнеем...	69
Что приходит, то проходит...	71

Блаженство от мира в себе...	73
Когда нам плохо и невыносимо...	73
И если Бог не смог...	74
Он женщине писал стихи...	74
Женщины! Вас выдумал Бог или дьявол...	75
Хандра...	76
Самое страшное — это признаться себе...	77
А я ещё опять мечтать хочу...	78
Если снова ты о счастье пишешь...	79
Ну вот. Ещё вы год себе прибавили...	79
Мы любим женщину, какая...	80
Чтобы войти хоть раз в друг друга...	81
Ко мне порою приходила...	82
Ты как моё воспоминание...	82
Ты понимаешь: живу как будто не живу	83
Мы признаёмся, что мы любим...	84
Как странно, что не вместе были...	85
Ты помнишь, милый, что в кафе идём...	86
Ты помнишь всё ещё меня...	86
О, да надо же! Что вспомнил обо мне...	87
Букет цветов, что толку в этом...	87
Привет! Внезапно выключили свет...	89
Как мчится время, нам не оглянуться...	90
Спрячь подальше все невзгоды...	91
Под Старый Новый год...	91

Истоки болтливости	93
В Эдеме, райском саде...	93
Для женщин не бывает тайн...	95
Женщины всегда болтливы...	96
Женщина даже знает то.....	96
Кто истиной блажен, не умирает...	96
Напрасно что-то ожидаем...	97
Мы, русские...	97
Как только даст Россия слабину...	101
Ко власти дурь приходит неожиданно...	102
Не выдавили все мы из себя рабов...	102
Ну вот, и снова Новый год...	103
На Новый год я кактус нарядил...	104
Сыну...	104
Внукам...	105
Посвящение библиотеке...	106
Вчера ходил я на рыбалку...	107
Исповедь	108
Великие поэты рано...	108
Если кто в науку окунётся...	109
Не хочется перечислять, что было...	109
Я пока ещё жив, господа...	109
Мы все когда-нибудь уходим...	110
Кто я? Мелькнувший в этой жизни...	111
У Бога друга не прошу...	112

По жизни друг с тобой не устаёт...	113
Да, я товарищ...	113
Когда почётные награды нам вручают...	114
Как странно, что я жив ещё...	114
Стал замечать...	115
Хочу успеть за тех...	116
Замучили изгоевские сны...	117
Совсем не тот ученый муж...	118
А жизнь уже как коромысло...	119
«На площадке парка завершился квиз»...	120
Наконец живу...	120
Мне больше ничего не нужно...	123
Ко дню науки...	124
Мы горели и тонули...	124
Вчера залил вино ...	126
Ни чая, ни вина не пить...	126
Я с Божова стола...	127
Уходит, что волновало...	127
Смятение...	128
От жизни уставать нельзя...	131
Только жизнь имеет цену...	131
Жизнь распоряжается сама...	132
Себя саваном накрою...	132
Не уходите и не расставайтесь...	135
Не оставайтесь одни...	136

1 апреля...	137
За языком плетётся мысль...	138
Краски Севера туснее...	139
Не хочу быть пленником уюта...	140
Дороже мне вигвам в тайге...	140
Ко Дню геолога...	141
С Днём геолога, друзья...	142
Ода электронному голосованию...	144
Ко дню народного единства...	147
У мертвых не спросишь....	149
И не поймёшь...	150
Отцвела сиреневая хмель...	150
Среди совсем уж узколобо-узких...	151
Планета наша, похожая на рай...	153
Какой-то рок преследует народ...	154
Гололёд и коммунальщики...	155
Узнать поэта можно по стихам...	156
Времена года	157
Январь...	157
На Новый Год...	157
Обращение...	157
Февраль	159
Март	160
Сосульки хрусталем...	160
Апрель	161

Май	162
Июнь	164
Июль	164
Август	165
Пусть будет август...	165
Сентябрь	166
Октябрь	169
Осень деревья раскрасила...	170
Осенью мечты не улетают...	170
Ноябрь	171
Декабрь	171
Скоморохи	172
На уши весь мир поставил скоморох...	172
Война идёт, а на подмостках шоу...	173
Одни и те же на экране....	173
Коли гласа у певчих пропадают...	174
Как каждому хочется быть великим...	175
Оглавление	176

Александр Васильевич Кокин

Завтра будет завтра...

ООО «Мини Тайп»

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 53/60.

Тел. (опт) (863) 282-63-63, 299-91-97 www.bbook.ru

Издательско-полиграфическая фирма «Тональ»

г. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 66/1.

Тел. 8-928-131-94-72 (WhatsApp, Telegram).

E-mail: tonal-print@yandex.ru

Подписано в печать 15.11 2024 г. Формат 60х90/32

Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman

Объем 184 стр. Обложка картон мягкая.

Тираж 116 экз. Заказ № .